



УДК 130.2:159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>

EDN: BDUOGQ

Поступила: 01.05.2024

Принята: 24.05.2024

Опубликована: 04.07.2024

## ЯЗЫК, СМЫСЛ, ОСОЗНАННОСТЬ: АСПЕКТЫ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

*Бескова Ирина Александровна*

*Институт философии РАН (Москва)*

Проблему соотношенности языков науки и искусства следует рассматривать в контексте решения более общего вопроса о связи языка, смысла и когнитивного статуса реализации восприимчивости в процессе индивидуации организма. Анализ предпосылок языковой компетенции на стадии онтогенетически более ранней, чем этап функционирования изолированно бытийствующих когнитивных агентов, позволяет выявить новые аспекты сопряжения выразительных ресурсов и обуславливающего их опыта. Реконструкция ряда методологически значимых параметров стадии становления когниции в пренатальный период вводит в исследовательское пространство эпистемологии инновационные по своей структуре пласты смыслов, принципиально отличающиеся от структуры тех содержаний, которыми оперирует субъект как завершившая свое становление индивидуальность (постнатальный период). На основе учета недуального формата реализуемой когнитивности обосновывается возможность особого рода перцептивно-коммуникативных процедур (расширение сознания, скачок осознанности, «претворение в сознание»), способных порождать принципиально иные содержательные схемы, чем те, которыми человек оперирует в рамках персонифицированного бытия-в-мире. Преобразования модуса осознанности оказываются различимы в призме логико-методологического анализа стадии недуального формирования когнитивного потенциала языковой компетенции. Подобные небанальные ресурсы соотношены с состоянием целостности субъекта познания, когда диссоциация на мысль и чувство, знание и красоту не просто отсутствует, но является невозможной. Это состояние неделимой сплавленности впечатлений, проявляющееся как предпосылка, условие, исток формирования синкретичных, симультанно-слитых смыслов, модальная принадлежность которых не определена, поскольку феномен модальной отнесенности на стадии зарождения, формирования и функционирования подобных содержаний не актуализируем. Предлагаемый ракурс углубленного истолкования истоков возникновения образно-символических средств репрезентации опыта позволяет трансформировать восприятие когнитивного потенциала человека в контексте более базовых ресурсов обуславливания.

*Ключевые слова:* язык, осознанность, смысл, недуальность, целостность, когниция, сознание, язык науки, язык искусства, знание, красота, инновация, опыт, восприятие.

### Для цитирования:

Бескова И.А. Язык, смысл, осознанность: аспекты обусловленности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 160–169. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>. EDN: BDUOGQ

## LANGUAGE, MEANING, AWARENESS: ASPECTS OF INTERDEPENDENCE

*Irina A. Beskova*

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)*

The question of correlation between languages of science and art should be considered in the context of solving a more general problem of connection between language, meaning, and the cognitive status of the receptivity realization in the process of a human's individuation. An analysis of the prerequisites for the linguistic competence formation at the stage being ontogenetically earlier than the stage of isolated cognitive agents' functioning, reveals new aspects of the contiguity of expressive resources and the experience that determines them. Reconstruction of some methodologically significant points of perceptive prenatal development introduces into epistemological discourse some layers of meanings that are innovative in their structure, fundamentally different from the structure of the contents that the subject manipulates in the postnatal period. Based on a logical-and-methodological analysis of the non-dual format of the implementation of cognition, the paper substantiates the possibility of a special kind of perceptual-communicative procedures (expansion of consciousness, leap of awareness, «coming into being as a consciousness») that are capable of generating fundamentally new meaning schemas than those that a person uses in his individuated being-in-the-world. The mode of awareness leap as a basis of the linguistic competence formation becomes distinguishable in the optics of logical-and-methodological analysis of the non-dual stage of the perception coming into being. Such peculiar resources are correlated with the state of the subject's cognitive integrity, when dissociation into thought and feeling, knowledge and beauty is not just absent, but is impossible. This is a state of indivisible mix of impressions, manifesting itself as a prerequisite, condition, source of formation of simultaneously fused meanings. Modal affiliation of these is not determined since the phenomenon of modal attribution at the stage of formation and functioning of such contents is not actualized. The proposed perspective of a deeper interpretation of the origins of the emergence of figurative and symbolic means of representing experience allows us to transform the optics of perception of a person's cognitive potential in the context of more basic conditioning resources.

*Keywords:* language, awareness, meaning, non-duality, integrity, cognition, consciousness, language of science, language of art, knowledge, beauty, innovation, experience, perception.

### To cite:

Beskova I.A. [Language, meaning, awareness: aspects of interdependence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 2, pp. 160–169 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-160-169>, EDN: BDUOGQ

---

### Введение

Когда рассматривают проблему соотносительности языков науки и искусства в аспекте синтеза знания и красоты, как бы неявно подразумевают, что языки науки репрезентируют формат «знание», а языки искусства — формат «красота», но так ли это? Не будет ли правильнее исходить из того, что знание и красота — глубоко — одно целое, и являются собой не разные ин-

станции, разные форматы принимаемости опыта, а всего лишь разные *ипостаси, грани* изначальной целостности? Последняя, на мой взгляд, представима как всецело пробужденная полнота осознанности, рождающаяся в момент стопроцентно сконцентрированного присутствия познающего субъекта в ситуативности разворачивающегося процесса. Ведь именно в этом формате вовлеченности в происходящее человек оказывается способен по-настоящему,

глубинно взаимодействовать с миром сущего. Думается, подобного рода обусловленность объясняется тем, что в основе знания нередко лежит красота (так, фрактальная геометрия Мандельброта дает особенно яркие, зримые образцы этой связи), а в основании искусства может лежать знание, но не столько как модус «исчисляющей *о-с-вед-ом-ленности*», сколько как формат прямой, непосредственной, невыводной и не умозрительной регистрации впечатлений в контексте всецелой отождествленности когнитивного субъекта с воспринимаемым. Отождествленности, полностью захватывающей все внимание индивида, провоцирующей его всемерную поглощенность «впечатываемым» в органы чувств содержанием в момент первой встречи с воспринимаемым. Подобное переживание — как непосредственное схватывание/усмотрение глубинной природы постигаемого — может рождать в человеке как мысли, так и чувства, что в первую очередь и бросается в глаза аналитику-методологу познавательных интеракций из-за своей очевидности, кажущейся не требующей ни обоснования, ни дополнительного исследования. Но насколько совершенна подобная призма анализа?

#### **Модус синкретичной сплавленности опыта как источник формирования языка**

Думается, упомянутыми форматами представленности репрезентативного потенциала перцептивно-коммуникативных систем не исчерпывается спектр возможных реакций организма. Очень важно, что это может быть и некий более фундаментальный, онтогенетически более ранний пласт содержаний-ответов распознающей системы на ситуативную специфичность осуществившегося коммуникативного взаимодействия. В частности, при определенных условиях достигим формат представленности «отклика» распознающей системы, в рамках которого актуализируется состояние, *предшествующее* стадии индивидуации организма (термин «индивидуация» здесь и далее используется в контексте воззрений Жильбера Симондона). И это будет нечто принципиально иное, чем отклик, модулированный дихотомиями *состоявшейся* индивидуированности. Он представляет собой вариант ответного «звучания» перцептивно-коммуникативного аппарата в виде целостно откликающегося инструмента

регистрации и репрезентации воспринятого. Его можно представить как эхо изначальной адресации: если она была осуществлена из перспективы целостности, недואльной сплавленности «человек  $\equiv$  предмет его всепоглощающего интереса», то и резонансно отзывающимся такому обращению окажется ответное «всецелое звучание» распознающей системы. В результате становится возможной стилистика ответного «звучания», диктуемая не изолированно той или иной гранью человеческой способности знать-постигать («мысль vs чувство», категоризация «знание vs красота»), а всей объемом и богатством неделимой интегральной экзистенции. В таком случае репрезентация воспринимаемого осуществляется в пространстве синкретичной сплавленности впечатлений, представляющем собой универсум не распадающегося на составные части опыта.

В контексте подобных преобразений пространства когниции актуализируемым становится модус недвойственности: режим функционирования разума вне фрагментации переживаемого на модально изолированные инстанции, когда *в принципе* были бы возможны дихотомии типа «знание vs красота». Можно сказать, это режим, в котором модус диссоциации не актуализирован, а значит и *формат дихотомически разделенного и противопоставленного выражения опыта не работает*. Данное пространство коррелирует с особым стилем активности распознающей системы, реализующимся в формате *додиссоциативного* модуса функционирования ресурсов переработки впечатлений: в синкретичном а/модальном универсуме мысли-образа-чувства.

Если опираться на предложенное понимание, то, как представляется, мы имеем основания заключить, что анализ соотнесенности языков науки и искусства, раскрытие логики их взаимосвязи в контексте дихотомии «знание/красота» можно осуществить, пусть и более сложным — в каком-то смысле «кружным» — путем, чем простая регистрация поверхностных проявлений их различности, но зато обеспечив более тонкое восприятие настройки исследования. А именно, рассматривая интересующий вопрос сквозь призму того состояния сознания, которое — наряду с привычным диссоциированным модусом дихотомически ориентированного функционирования разума — также когнитив-

но достижимо. Это состояние актуализированной осознанности как модуса пробужденного присутствия в момент разворачивающегося опыта, стопроцентной поглощенности взаимодействием, когда все ресурсы внимательности познающего субъекта оказываются отданы коммуникативному процессу. При этом эгоцентрические мотивы, изолирующие личность от всего универсума сущего как от «не-Я»-осуществленности, оказываются спонтанно преодолены.

### **Воззрение «Живой этики» в истолковании модуляций сознания**

Нетрудно заметить, что данная пертурбация, по сути, представляет собой ресурс изменения когнитивного статуса субъекта познания, потенциально чреватый расширением сознания, что в качестве цели эволюции разума неоднократно упоминается в трудах Н.К. и Е.И. Рерихов. По сути, задача расширения сознания в их учении предстает как ключевая и насущная не только для отдельного индивида, но и для человека как вида. В частности, констатируется, что цель состоит в том, чтобы «претвориться в сознание»: «Сознание подобно пониманию духа, оно растет, обнимая все существо, как пламя <...> Место нахождения человечества, чтоб напомнить претвориться в сознание» [Рерих Е.И., 2003, с. 9]. Но как происходит подобное «претворение»?

В «Учении живой этики» подчеркивается, что отследить рост и расширение сознания напрямую невозможно, поскольку сам инструмент отслеживания принадлежит той сфере, относительно которой и осуществляется наблюдение: «Много раз мы беседовали о расширении сознания и об овладении многими полезными свойствами. Как же происходит это нарастание? Если трудно усмотреть рост волоса, то много труднее уловить рост сознания. Ошибочно думать, что можно следить за нарастанием сознания. Ведь следящий аппарат претерпевает то же напряжение <...> На действиях и на следствиях познается правильное направление» [Рерих Е.И., 2004, с. 190].

Таким образом, рост осознанности можно определить «по плодам его». Но каковы же плоды обозначенной модуляции сознания? Полагаю, это творческие продукты в наивысшем «градусе» их представленности, выраженные в

формате языков науки, искусства, в творчестве духа и в творчестве о трансформациях духа. При этом наивысший статус проявления продуктивности в познавательно-эмоционально-духовной сфере, в моем понимании, и есть тот плод, который рождается из перспективы всецелой концентрации сознания на предмете интереса, представимой как режим полноты пробужденного присутствия субъекта познания в реализующемся опыте.

Говоря о параметрах подобного выражения, думается, можно заключить, что если опыт, лежащий в основании порождения соответствующих инновационных продуктов, синкретичен, целостен, как синкретично и целостно то состояние, в котором он был актуализирован, то языки его выражения в глубинной своей основе, пусть и в снятой форме, *сохраняют эту особенность*. В различных форматах выраженности (язык науки, язык искусства) лишь появляется специфицирующий акцент, новый ракурс в репрезентации исходного синкретично-целостного контекста. В результате акцентуируемыми оказываются те или иные грани, стороны, ипостаси изначального единства-целостности, пережитого субъектом в процессе консолидации и седиментации результирующего содержания/смысла. Однако это не делает подобные языки (как ресурсы репрезентации интегрального состояния) противостоящими друг другу, поскольку произросли они из единого модуса до-индивидуированного состояния изначальной восприимчивости в постижении сущего.

Разумеется, преобладание того или иного «измерения» выраженности (мысль, чувство, пластическое искусство, кинестетическая практика) накладывает ограничение на одни грани репрезентации целостности, делая при этом другие паттерны выражения более выпуклыми. Но это не значит, что «ушедшее в тень» содержание (вместе с конгруэнтными ему модусами оперирования) исчезло, утрачено: заняв подчиненное положение, оно, с одной стороны, высветляет, выдвигает на первый план то, что видоспецифично для избранного формата выраженности, с другой, составляет «тыл», богатый и разнообразный, мультимодальный (а подчас и а/модальный) контекст появления на свет смыслов, модальная идентичность которых оказалась более специфицированной. Например, задавая содержание, воспринятое как от-

носящееся к сфере науки или к сфере искусства, заслуживающее статус знания или оцениваемое в контексте красоты представленного образа, регистрируемое как мысль или же в большей мере соответствующее переживанию «чувство», воспринимаемое как ощущение или же «прочитываемое» как понимание и пр. Смыслы, в таких форматах выраженные, остаются происшедшими, «выросшими» из недифференцированного, синкретичного опыта, в основе которого — модус непосредственной регистрации нечленимой целостности экзистенциально пережитого.

### Абрис «планов» расширения сознания в их совмещенности

Полагаю, признание двух регистров потенциально возможного «звучания» всплывающих впечатлений (целостного и модулированного дихотомиями), а также консолидация и седиментация произрастающих на этой почве содержаний/смыслов реализуется на практике как особого рода *методологический прием: одновременное удержание в сознании воспринимающего, допущение им как потенциально возможных и практически значимых обеих плоскостей регистрации опыта*. По сути, это равносильно признанию и принятию в качестве допустимых и практически ценных обеих граней представленности пережитого: синкретично-сплавленной и модально специфицированной, т.е. сферы обусловливания опыта и сферы его выражения. Подобный двусоставный формат регистрации впечатлений делает достижимым особый алгоритм размыкания контуров сознания. Ведь если в своей познавательной интендированности субъект удерживает в сознании сразу две грани, две плоскости регистрации воспринимаемого, сохраняя осознанность в отношении обеих границ проживаемого, он тем самым преодолевает пределы **ограничивающего** миропонимания, выходя в пространство трансграничности сущего.

О подобном модусе восприятия говорил в свое время М.М. Новоселов, разрабатывая интервальный подход к истолкованию процесса формирования и функционирования абстракций [Новоселов М.М., 2017]. Эти идеи получают развитие в исследованиях Л.П. Киященко, подчеркивающей, что когда в сознании мы удерживаем оба предела интервала абстракции,

в контексте которой седиментированное содержание регистрируется, мы преодолеваем границы исходной интервальности, выходя из сферы ограниченно известного в пространство трансцендированной граничности [Киященко Л.П., 2022].

Интересно, что в «Учении живой этики» можно найти идею, созвучную описанной метаморфозе разума: «Работа над расширением сознания происходит на двух планах. Каждый план не сливается с прочими явлениями жизни, как ход подземный не затрагивает растительность и как метеор не зависит от погоды. Люди трудно понимают эти наслоения двух планов. *Требуется настороженность сознания*, но мало кто владеет ею (курсив наш. — И.Б.)» [Рерих Е.И., 2008, с. 464]. Именно эту особую «настороженность сознания», на мой взгляд, можно считать коррелятом состояния осознанности, превращающей человеческий опыт из видоспецифически локализованного, модулированного дихотомиями противоречивого членения универсума когниции в несоставно-целостный, в котором противоречивость и взаимоисключительность выражения невозможна, поскольку сама «опция» противопоставленности чего-то чему-то в нем отключена.

Каковы же эти планы?

Один из них, безусловно, есть уровень непосредственного физического функционирования индивида в модусе самостоятельного независимого агента действия: тот формат самовыражения личности, который каждому человеку современного социума прекрасно знаком. Но второй план, как представляется, есть нечто, гораздо реже практикуемое и еще реже осознаваемое в статусе практикуемого. А именно, уровень *наблюдателя за* реализующимся поведением, за теми выборами, которые сам он, опираясь на свое **видение** мира и свое понимание отношений человека и мира, практически осуществляет. Это формат «отдавания себе отчета» в истинных мотивах своих мыслей-слов-действий (ключевая триада проявления субъектности, согласно концепции «Учения живой этики»), которые человек воплощает.

Когда между этими планами представленности сознания в структуре разворачивающегося опыта устанавливается созвучие, согласуя между собой разные позиции адресации, последние, становясь когерентными, оказываются

синхронизированны. Именно в это мгновение и происходит скачок сознания, знаменующий собой действительное его расширение. Подобная когнитивно-экзистенциальная пертурбация делает возможной спонтанную трансформацию понимания субъектом *глубинного* смысла происходящих событий. В результате то, что изначально могло быть воспринято как извне интендируемое, по отношению к субъекту постороннее и случайное, обнаруживает под собой еще один пласт обусловливания, более глубокий, чем исходное поверхностное восприятие. А именно, изначальная «случайность» предстает как неузнанное выражение глубинной необходимости разворачивающегося процесса, призванного пробудить осознанность субъекта, заставить его быть более ответственным, став всецело осознающим в экзистенциальном пространстве жизненности («претвориться в сознание»).

Думается, именно в подобной динамике скрыт исток эмерджентного скачка осознанности, проявляющегося как расширение сознания: это процесс, корни которого следует искать в сфере сопряженного, согласованного функционирования *со-зна-*ния как, с одной стороны, потенциала адаптивной эффективности индивида в роли независимого агента действия в мире физически реального, и с другой, — его же, но в ипостаси стороннего наблюдателя, не вовлекающегося в процесс лично, но сохраняющего отстраненную регистрирующую позицию. Регистрирующий модус восприятия позволяет незамутненным эмоциональной вовлеченностью взором следить за подлинными, глубинными мотивами и движущими силами происходящих изменений, отдавая себе полный отчет в реализующемся.

### Обсуждение результатов

На сегодняшний день в литературе доминирует установка, согласно которой языки науки и искусства хотя и имеют точки соприкосновения, тем не менее, представляют собой не просто разные, но — в определенных отношениях — противоположные форматы репрезентации опыта. Независимо от конкретной занимаемой позиции (считаются ли языки существенно противоположными или видятся взаимопроникающими), авторы исходят из их как бы само собой разумеющейся категориальной противо-

поставленности [Языки науки..., 2004; Aladyshkin I. et al., 2023; Dominiczak M.H., 2012; Stefaner M. et al., 2020]. Например, указывается, что тенденция сближения в ходе эволюции познавательно-выразительных ресурсов человека проявляет парадоксальные аспекты их соотносительности. В числе последних упоминаются *большая эмоциональная выразительность языка науки, чем лаконичность языка искусства, апелляция ученых к языку образного выражения при обосновании научных прозрений, и, напротив, обращение к языку науки, практикуемое людьми искусства при обосновании своих концепций* [Марцинковская Т.Д., 2018].

Однако сама регистрация подобного феномена (парадоксальных проявлений взаимосвязи языков науки и искусства) свидетельствует о том, что преобладающее *видение* их соотносительности, сформированное под воздействием ожиданий, продиктованных стереотипами здравого смысла, опрощает истинный характер их взаимосвязи. Поэтому задача изучения феноменологии формирования языка как фундаментального ресурса выражения опыта остается актуальной.

Я исхожу из их генеративной связности, которую вижу в логике формирования языка вообще как ресурса интегральной репрезентации опыта. В моем понимании, языки науки и искусства *глубинно слиты, сплавлены*, поскольку в их основе — целостный пласт состояний/смыслов, модальная специализация которых не просто не осуществлена, но невозможна в силу специфичности того периода становления организма, в котором основания для седиментации подобных содержаний закладываются.

Наиболее глубокие и на данный момент, возможно, наиболее дисциплинарно фундированные исследования формирования языковых ресурсов соотносены с разработкой теории образных схем в когнитивной лингвистике. Исследования призваны установить «посредствующее звено» в переходе от перцептивных форматов регистрации опыта к абстрактным, образно-символическим ресурсам. В частности, предпринимается попытка ответить на вопрос, как же происходит выработка абстрактных схем выражения информации в стиле развитых образно-символических языков [Бородай С.Ю., 2019; Смирнова Н.М., 2022; Johnson M., 2005]. Подобные исследования чрезвычайно интерес-

ны и перспективны, однако, на мой взгляд, не свободны от одного существенного ограничения. А именно, свое внимание они концентрируют на стадии развития языка, соотношенной с *индивидуированным* форматом функционирования организма. Это может быть и детский язык, и язык взрослых, но всегда — это выражение опыта носителя, который «состоялся» в статусе завершенной, *ставшей* индивидуальности; упрощенно говоря, это организм, действующий в мире как самостоятельный агент относительно независимого профиля: в ипостаси *ставшей* индивидуировавшейся сущности. Тогда как, на мой взгляд, не менее значимым должно быть осмысление и реконструкция того, как формируется опыт *становящегося* организма на *до*-индивидуальной стадии развития. Принципиально значимо в подобном изменении ракурса рассмотрения то, что в период внутриутробного формирования плод растет и развивается в условиях принципиально другого формата представленности его бытия-в-мире, чем тот, что характерен для состояния завершенной, состоявшейся индивидуальности.

Пренатальная стадия становления организма, в соответствии с воззрениями современной психологии, это самостоятельный, принципиально важный этап когнитивного развития человека и ресурсов освоения реальности [Петросьян С.Н., 2016]. Сама стилистика перцептивной деятельности в пренатальный период не может не быть фундаментально иной, чем стилистика и ресурсы стадии постнатальной сформированности — пусть даже и детской [Бескова И.А., 2023]. В частности, способность восприятия и регистрации впечатлений во внутриутробный период реализуется в модусе *недуального* мироощущения. Сам этот формат с необходимостью обусловлен той реальностью бытия-в-мире, которая определяется состоянием беременности: мать и дитя — одно целое, их организмы функционируют не изолированно, а слито, причем степень сопряженности столь всеобъемлюща, что малейшая угроза ее расторжения приводит к риску прерывания самого этого состояния.

Ни в коем случае не принимая на себя ответственность за фактологию изучения соответствующего периода (это дело профильных дисциплин), я адресуюсь к страту *логикометодологического* исследования потенциала

пренатального формирования когниции. Это позволяет ввести в поле рассмотрения те аспекты данного опыта, которые *не могут не отличаться* его от обычно изучаемых параметров функционирования **сформированного** организма, формат бытия-в-мире которого индивидуализирован и изолирован. Формирующиеся из недуюальной перспективы паттерны восприятия и регистрации опыта с рождением организма не исчезают, но просто уходят в тень, продолжая влиять на характер и течение когнитивно-перцептивных процессов индивидуированной субъектности. Поэтому, когда данный этап складывания предпосылок будущей языковой способности не принимается в расчет, картина получается неполной, а возможно, и искаженной, — в этом я вижу слабость данного, в целом весьма перспективного, подхода.

Именно по этой причине я предлагаю при выявлении аспектов взаимосвязи разного формата языков проникнуть глубже индивидуированного уровня реализации опыта и задуматься над тем, чем же, в сущности, отличается состояние когнитивного становления на *до*-индивидуальной стадии. Пренатальный формат развития когнитивности теснейшим образом соотношен с состоянием «*внутриположенности*» будущей индивидуальности по отношению к материнскому организму, что естественным образом оборачивается полным отсутствием оснований для формирования изолирующей Я-позиции эгоцентрически модулированного мировидения. Это, в свою очередь, влечет абсолютную недоступность модуса диссоциированного восприятия происходящего из перспективы «мое/чужое». Поэтому онтогенетически более ранним, изначальным, первичным является формат регистрации впечатлений из перспективы недуюального (вне диссоциаций на «мой опыт» vs «опыт другого человека») и а/модального схватывания/регистрации впечатлений (вне дихотомий образно/символического фреймирования универсума восприимчивости). А значит, в поле внимания эпистемологии появляются синкретичные симультанные содержания, которые не могут быть отнесены ни к одной из категорий дихотомически члененного универсума категоризированного опыта, поскольку их формирование относится к периоду становления, когда категоризация как формат ментального упорядочения впечатлений нереализуема.

## Заключение

Языки выражения пережитого состояния в снятой форме несут в себе, аккумулируя как собственную глубинную предпосылку, потенциал своего порождения. И поскольку самым фундаментальным — более фундаментальным, чем модус разделенности и противопоставленности содержаний на мысли и чувства, ментальное и физическое, идеальное и реальное — является модус синкретичной слитости, сплавленности отзвуков-реакций-впечатлений, то в глубинной основе *любого* формата выраженности состояний-переживаний лежит именно этот целостный, неделимый, дихотомиями не фреймируемый пласт смысловой наполненности опыта. В такого рода впечатлениях мысли и чувства — это не просто одно, но это то, в своей основе единое, что на противоположные составляющие не распадается, а будучи разбито, утрачивает исконную специфичность. И это формат целостности переживаемого состояния и целостности отклика на него: вне дуального членения универсума репрезентации переживаемого, вне модальной привязки впечатлений, вне противопоставления воспринимаемого в формате «мое/чужое».

Диссоциация на противоположные составляющие в этом модусе невозможна хотя бы потому, что подобного рода пласт содержаний/смыслов *из составляющих не состоит*, как не состоит из частей или элементов никакая целостность, являя собой, прежде всего, модус воплощенной несоставности. В подобном модусе пережитое не есть готовый, завершённый, ставший формат выраженности опыта в языке — будь то в символической или в образной форме, — а непрерывно меняющееся, флуоресцирующее разными оттенками, гранями смыслов состояние, в котором репрезентация в виде «в каком бы то ни было языке выраженного» — это не более чем другая грань, другая ипостась изначального единства-целостности «человек ≡ переживаемое им целостное состояние».

В представленном модусе регистрации впечатлений нет изолированных инстанций «человек» и «его опыт», как нет вообще каких бы то ни было инстанций, поскольку «инстанция» — это продукт/формат завершившегося, состоявшегося эпизода реализованной индивидуации, тогда как состояние — это всецелая текучесть,

ежесекундная изменчивость, сияющая разными отблесками смыслов в зависимости от того, из какой перспективы осуществляется обращение к подобной незавершенности.

## Список литературы

Бескова И.А. Парадигмальный сдвиг, проявляющий природу человеческого разума // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига / отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2023. С. 267–311. DOI: <https://doi.org/10.29039/iab-267-311>

Бородай С.Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 106–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0373658x0005709-8>

Киященко Л.П. Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Марцинковская Т.Д. Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (дата обращения: 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>

Новоселов М.М. О тождестве и отождествлениях (интервальный аспект) // Философия творчества: ежегодник. Вып. 3: Творчество и жизненный мир человека / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой; Ин-т философии РАН. М.: ИИНТЕЛЛ, 2017. С. 211–219.

Петросьян С.Н. Пренатальный и перинатальный периоды развития ребенка как кризисный этап становления личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. Вып. 3(183). С. 114–122.

Рерих Е.И. Агни Йога (Знаки Агни Йоги). М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2008. 600 с.

Рерих Е.И. Листы Сада Мории. Кн. 2. Озарение. М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2003. 328 с.

Рерих Е.И. Община (Урга). М.: Междунар. Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2004. 304 с.

Смирнова Н.М. Образ и смысл: опыт когнитивной лингвистики // Философия творчества: ежегодник. Вып. 8: Философско-методологический анализ творческих процессов /

под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой; Ин-т философии РАН. М.: Голос, 2022. С. 150–178.

*Языки науки — языки искусства: сб. науч. тр. / ред.-сост. З.Е. Журавлева. М.; Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2004. 448 с.*

*Aladyshkin I., Anosova N., Noskova O.* Prospects for the Synthesis of the Language of Art, Science and Technology in Russian Science Art // *Technologies in a Multilingual Environment: Proceedings of the XXII International Conference on Professional Culture of the Specialist of the Future (St. Petersburg, Russia, 24–26 November, 2022)*. Cham, CH: Springer, 2023. P. 135–145. DOI: [https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3\\_13](https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3_13)

*Domiciczak M.H.* Languages of Art and Languages of Science // *Clinical Chemistry*. 2012. Vol. 58, iss. 8. P. 1270–1275. DOI: <https://doi.org/10.1373/clinchem.2012.182014>

*Johnson M.* The Philosophical Significance of Image Schemas // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / ed. by B. Hampe. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2005. P. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.15>

*Stefaner M., Daston L., Christiansen J.* The Language of Science: How the Words We Use Have Evolved over the Past 175 Years // *Scientific American*. 2020. Vol. 323, iss. 3. P. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0920-26>

## References

Aladyshkin, I., Anosova, N. and Noskova, O. (2023). Prospects for the synthesis of the language of art, science and technology in Russian science art. *Technologies in a Multilingual Environment: Proceedings of the XXII International Conference on professional culture of the specialist of the future (St. Petersburg, Russia, 24–26 November, 2022)*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 135–145. DOI: [https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3\\_13](https://doi.org/10.1007/978-3-031-26783-3_13)

Beskova, I.A. (2023). [Paradigmatic shift revealing the nature of the human mind]. *Nauka i fenomen cheloveka v epokhu tsivilizatsionnogo Makrosdviga*, *otv. red. V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko* [V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko (eds.) Science and the phenomenon of human in the era of civilizational Macroshift]. Moscow: Institut obshchegumantarnykh issledovaniy Publ., pp. 267–311. DOI: <https://doi.org/10.29039/iab-267-311>

Boroday, S.Yu. (2019). [Language and cognition: A postrelativist research program]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4, pp. 106–136. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0373658x0005709-8>

Domiciczak, M.H. (2012). Languages of art and languages of science. *Clinical Chemistry*. Vol. 58, iss. 8, pp. 1270–1275. DOI: <https://doi.org/10.1373/clinchem.2012.182014>

Johnson, M. (2005). The philosophical significance of image schemas. *B. Hampe (ed.) From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter Publ., pp. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.15>

Kiyashchenko, L.P. (2022). [The paradox of human integrity: a critique of the ability to be]. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost', otv. red. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova* [L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova (eds.) Man as an opened integrity]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., pp. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Martsinkovskaya, T.D. (2018). [The language of art and the language of science: the paradoxes of convergence]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 59. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/287/566> (accessed 22.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.287>

Novosyolov, M.M. (2017). [On identity and identification (an interval aspect)]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 3: Tvorchestvo i zhiznenny mir cheloveka, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 3: Creativity and the life world of man]. Moscow: IntelLL Publ., pp. 211–219.

Petros'yan, S.N. (2016). [Prenatal and perinatal periods of child development as a crisis stage of personality formation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [The Bulletin of the Adyge State University. Series: Pedagogy and Psychology]. Iss. 3(183), pp. 114–122.

Roerich, H. (2003). *Listy Sada Morii. Kn. 2. Ozaranie* [Leaves of Morya's Garden. Book Two: Illumination]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 328 p.

Roerich, H. (2004). *Obschina (Urga)* [Brotherhood (Urga)]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 304 p.

Roerich, H. (2008). *Agni Yoga (Znaki Agni Yogi)* [Agni Yoga]. Moscow: ICR Publ., Master-Bank Publ., 600 p.

Smirnova, N.M. (2022). [Image and meaning: Experience's framework of cognitive linguistics]. *Filosofiya tvorchestva yezhegodnik. Vyp. 8: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of

Creativity: yearbook. Iss. 8: Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 150–178.

Stefaner, M., Daston, L. and Christiansen, J. (2020). The language of science: How the words we use have evolved over the past 175 years. *Scientific*

*American*. Vol. 323, iss. 3, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1038/scientificamerican0920-26>  
Zhuravleva, Z.E. (ed.) (2004). *Yazyki nauki — yazyki iskusstva: sbornik nauchnykh trudov* [Languages of science — languages of art: collection of scientific papers]. Moscow: ICI Publ, 448 p.

### Об авторе

**Бескова Ирина Александровна**

доктор философских наук,  
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,  
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;  
e-mail: [irina.beskova@mail.ru](mailto:irina.beskova@mail.ru)  
ResearcherID: N-3719-2018

### About the author

**Irina A. Beskova**

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,  
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;  
e-mail: [irina.beskova@mail.ru](mailto:irina.beskova@mail.ru)  
ResearcherID: N-3719-2018